

В потемках

Муха средней величины забралась в нос товарища прокурора, надворного советника Гагина. Любопытство ли ее мучило, или, быть может, она попала туда по легкомыслию, или благодаря потемкам, но только нос не вынес присутствия инородного тела и подал сигнал к чиханию. Гагин чихнул, чихнул с чувством, с пронзительным присвистом и так громко, что кровать вздрогнула и издала звук потревоженной пружины. Супруга Гагина, Марья Михайловна, крупная, полная блондинка, тоже вздрогнула и проснулась. Она поглядела в потемки, вздохнула и повернулась на другой бок. Минут через пять она еще раз повернулась, закрыла плотнее глаза, но сон уже не возвращался к ней. Повздыхав и поворочавшись с боку на бок, она приподнялась, перелезла через мужа и, надев туфли, пошла к окну. На дворе было темно. Видны были одни только силуэты деревьев да темные крыши сараев. Восток чуть-чуть побледнел, но и эту бледность собирались заволокнуть тучи. В воздухе, уснувшем и окутанном во мглу, стояла тишина. Молчал даже дачный сторож, получающий деньги за нарушение стуком ночной тишины, молчал и коростель единственный дикий пернатый, не чуждающийся соседства со столичными дачниками.

Тишину нарушила сама Марья Михайловна. Стоя у окна и глядя во двор, она вдруг вскрикнула. Ей показалось, что от цветника с тощим, стриженным тополем пробиралась к дому какая-то темная фигура. Сначала она думала, что это корова или лошадь, потом же, протерев глаза, она стала ясно различать человеческие контуры.

Засим ей показалось, что темная фигура подошла к окну, выходящему из кухни, и, постояв немного, очевидно в нерешимости, стала одной ногой на карниз и... исчезла во мраке окна.

Вор! мелькнуло у нее в голове, и мертвенная бледность залила ее лицо.

И в один миг ее воображение нарисовало картину, которой так боятся дачницы: вор лезет в кухню, из кухни в столовую... серебро в шкапу... далее спальня... топор... разбойничье лицо... золотые вещи... Колена ее подогнулись и по спине побежали мурашки.

Вася! затеребила она мужа. Базиль! Василий Прокофьевич! Ах, боже мой, словно мертвый! Проснись, Базиль, умоляю тебя!

Н-ну? промычал товарищ прокурора, потянув в себя воздух и издавая жевательные звуки.

Проснись, ради создателя! К нам в кухню забрался вор! Стою я у окна, гляжу, а кто-то в окно лезет. Из кухни проберется в столовую... ложки в шкапу!

Базиль! У Мавры Егоровны в прошлом году так же вот забрались.

Ко... кого тебе?

Боже, он не слышит! Да пойми же ты, истукан, что я сейчас видела, как к нам в кухню полез какой-то человек! Пелагея испугается и... и серебро в шкапу!

Чепуха!

Базиль, это несносно! Я говорю тебе об опасности, а ты спишь и мычишь! Что же ты хочешь? Хочешь, чтоб нас обокрали и перерезали?

Товарищ прокурора медленно поднялся и сел на кровати, оглашая воздух зевками.

Чёрт вас знает, что вы за народ! пробормотал он. Неужели даже ночью нет покоя? Будят из-за пустяков!

Но клянусь тебе, Базиль, я видела, как человек полез в окно!

Ну так что же? И пусть лезет... Это, по всей вероятности, к Пелагее ее пожарный пришел.

Что-о-о? Что ты сказал?

Я сказал, что это к Пелагее пожарный пришел.

Тем хуже! вскрикнула Марья Михайловна. Это хуже вора! Я не потерплю в своем доме цинизма!

Экая добродетель, посмотришь... Не потерплю цинизма... Да нешто это цинизм? К чему без толку заграничными словами выпаливать? Это, матушка моя, испокон веку так ведется, традицией освящено. На то он и пожарный, чтоб к кухаркам ходить.

Нет, Базиль! Значит, ты не знаешь меня! Я не могу допустить мысли, чтоб в моем доме и такое... этакое... Изволь отправиться сию минуту в кухню и приказать ему убираться! Сию же минуту! А завтра я скажу Пелагее, чтобы она не смела позволять себе подобные поступки! Когда я умру, можете допускать в своем доме циничности, а теперь вы не смеете. Извольте идти!

Чёррт... проворчал Гагин с досадой. Ну, рассуди своим бабьим, микроскопическим мозгом, зачем я туда пойду?

Базиль, я падаю в обморок!

Гагин плюнул, надел туфли, еще раз плюнул и отправился в кухню. Было темно, как в закупоренной бочке, и товарищу прокурора пришлось пробираться ощупью. По дороге он нащупал дверь в детскую и разбудил няньку.

Василиса, сказал он, ты брала вечером мой халат чистить. Где он?

Я его, барин, Пелагее отдала чистить.

Что за беспорядки? Брать берете, а на место не кладете... Изволь теперь путешествовать без халата!

Войдя в кухню, он направился к тому месту, где на сундуке, под полкой с кастрюлями, спала кухарка.

Пелагея! начал он, нащупывая плечо и толкая. Ты! Пелагея! Ну, что представляешься? Не спишь ведь! Кто это сейчас лез к тебе в окно?

Гм!.. здрасте! В окно лез! Кому это лезть?

Да ты того... нечего тень наводить! Скажи-ка лучше своему прохвосту, чтобы он подобра-поздорову убирался вон. Слышишь? Нечего ему тут делать!

Да вы в уме, барин? Здрасте... Дуру какую нашли... День-деньской мучаешься, бегаючи, покоя не знаешь, а ночью с такими словами. За четыре рубля в месяц живешь... при своем чае и сахаре, а кроме этих слов другой чести ни от кого не видишь... Я у купцов жила, да такого срама не видывала.

Ну, ну... нечего Лазаря петь! Сию же минуту чтобы твоего солдафона здесь не было! Слышишь?

Грех вам, барин! сказала Пелагея, и в голосе ее послышались слезы. Господа образованные... благородные, а нет того понятия, что, может, при горе-то нашем... при нашей несчастной жизни... Она заплакала. Обидеть нас можно. Заступиться некому.

Ну, ну... мне ведь всё равно! Меня барыня сюда послала. По мне хоть домового впусти в окно, так мне всё равно.

Товарищу прокурора оставалось только сознаться, что он не прав, делая этот допрос, и возвратиться к супруге.

Послушай, Пелагея, сказал он, ты брала чистить мой халат. Где он?

Ах, барин, извините, забыла вам положить его на стул. Он висит около печки на гвоздике...

Гагин нащупал около печки халат, надел его и тихо поплелся в спальню.

Марья Михайловна по уходе мужа легла в постель и стала ждать. Минуты три она была покойна, но затем ее начало помучивать беспокойство.

Как долго он ходит, однако! думала она. Хорошо, если там тот... циник, ну, а если вор?

И воображение ее опять нарисовало картину: муж входит в темную кухню... удар обухом... умирает, не издав ни одного звука... лужа крови...

Прошло пять минут, пять с половиной, наконец шесть... На лбу у нее выступил холодный пот.

Базиль! взвизгнула она. Базиль!

Ну, что кричишь? Я здесь... услышала она голос и шаги мужа. Режут тебя, что ли?

Товарищ прокурора подошел к кровати и сел на край.

Никого там нет, сказал он. Тебе примерещилось, чудачка... Ты можешь успокоиться: твоя дурища, Пелагея, так же добродетельна, как и ее хозяйка. Экая ты трусиха! Экая ты...

И товарищ прокурора начал дразнить свою жену. Он разгулялся и ему уже не

хотелось спать.

Экая трусиха! смеялся он. Завтра же ступай к доктору от галлюцинаций лечиться. Ты психопатка!

Дегтем запахло... сказала жена. Дегтем или... чем-то таким, луком... щами.

М-да... Что-то такое в воздухе... Спать не хочется! Вот что, зажгу-ка я свечку...

Где у нас спички? И кстати покажу тебе фотографию прокурора судебной палаты. Вчера прощался с нами и дал всем по карточке. С автографом.

Гагин чиркнул о стену спичкой и зажег свечу. Но прежде чем он сделал шаг от кровати, чтобы пойти за карточкой, сзади него раздался пронзительный, душу раздирающий крик. Оглянувшись назад, он увидел два больших жениных глаза, обращенных на него и полных удивления, ужаса, гнева...

Ты снимал в кухне свой халат? спросила она, бледнея.

А что?

Погляди на себя!

Товарищ прокурора поглядел на себя и ахнул. На его плечах, вместо халата, болталась шинель пожарного. Как она попала на его плечи? Пока он решал этот вопрос, жена его рисовала в своем воображении новую картину, ужасную, невозможную: мрак, тишина, шёпот и проч., и проч....